

Содержание

Предисловие	7
Не бегите! Идите шагом!.....	11
Письма сыну. Рышард Полански.....	77
Хронология.....	209

Эта беседа состоялась 5 мая 2006 года в рамках подкаста «Воспоминания о Холокосте», созданного по инициативе Фонда памяти о Холокосте и Национального института аудиовизуала. Провела ее Катрин Бернштейн. Осенью 2024 года Роман Полански согласился превратить свое устное выступление в текст, который затем сам полностью перечитал и отредактировал.

Предисловие

Я уже неоднократно рассказывал об этом периоде.

Впервые я собрал мысли воедино и привел в порядок воспоминания в конце 1970-х годов, когда взялся писать автобиографию. События, о которых говорится в этой книге, изложены там субъективно, потому что в первую очередь я старался как можно точнее описать восприятие маленького мальчика, ввергнутого в непостижимый для него кошмар. Этот мальчик, чтобы выжить, пытался на свой детский лад ему противостоять.

Мне было шесть лет и тринадцать дней, когда разразилась война, и двенадцать лет — когда она закончилась. Больше всего страданий в то время мне причиняли не материальное положение, не нищета, не голод и даже не страх. Хуже всего были отсутствие рядом родителей, жгучее желание вновь увидеться с ними, одинокое существование в чужом и холодном мире.

Мне снова пришлось вернуться к этим воспоминаниям через полтора десятка лет, по просьбе Стивена Спилберга и его Фонда Шоа, созданного в 1994 году как архив свидетельств переживших Холокост. В новом контексте мне понадобилось пересмотреть все, что со мной случилось, под более широким углом — как часть немыслимого явления, вероятно, единственного в истории человечества: попытки систематического истребления всего еврейского народа, предпринятой горсткой психопатов.

В 2005 году Национальный институт аудиовизуала (INA) совместно с Фондом памяти о Холокосте начал похожий масштабный проект с целью сохранить в аудиовизуальной форме воспоминания последних выживших. Среди сотни интервью, взятых в рамках этого проекта, есть и мое.

Книга, которую сегодня мы представляем читателям, основана на этой многочасовой записи.

Должен признать — соглашаясь на ее публикацию в новой форме, я даже представить не мог, какого труда потребует текстовая запись такого разговора, по сути своей полного отступлений, неоконченных фраз и оборванных нитей. И все же я с самого начала настаивал, что не нужно слишком сглаживать или шлифовать исходное повествование.

Надеюсь, нам удалось найти нужный компромисс, и во многом это заслуга нашего издателя Сандрин Трейнер.

Таким образом, текст, который мы вручаем читателям, — это, на мой взгляд, профильтрованная и очищенная от лишнего выжимка. И пусть это будет мое последнее слово. Память больше не принесет мне ничего нового — скорее уж что-нибудь заберет.

Два документа с воспоминаниями моего отца написаны раньше, у них своя история.

Первый — «Мой путь в Маутхаузен» — это его письмо мне после смехотворного спора по телефону, который произошел у нас в 1973 году.

Война оторвала нас друг от друга. Годы разлуки терзали нас по-разному, но с одинаковой жестокостью, так что мы снова встретились совсем другими людьми. Особенно поразительной была перемена, произошедшая с едва достигшим подросткового возраста мальчиком, которым я был тогда.

Мы никогда не говорили о пережитом. Годы спустя стало известно, что такое молчание — распространенное явление; его стали документировать и изучать с помощью тончайших инструментов современной психологии. Но, на наш взгляд — думаю, я могу говорить и от имени отца тоже, — все намного проще: если откровенно, нас воротило от этой темы! У нас не было ни малейшего желания ее обсуждать. Были вещи куда интереснее и важнее: жизнь и будущее.

И вот, через тридцать лет после возвращения из ада и впервые — по моему намерению, отец описал самый ужасный период в своей жизни.

НЕ БЕГИТЕ! ИДИТЕ ШАГОМ!

Тогда я попросил его раскрыть тему подробнее, описать все, что предшествовало лагерю Маутхаузен, и то, что он пережил потом, как только закончилась война.

Его рукопись вернулась ко мне осенью 1975 года. Я был занят съемками «Жильца», а потому положил ее в ящик и, к стыду своему, забыл о ее существовании.

Только работа над проектом издательства Flammarion напомнила мне о ней. Я нашел, что она написана блестяще, очень самобытна и после пары неизбежных уточнений и сокращений вполне достойна публикации.

Особенно сейчас, когда вновь хочется вскричать, как Фердинанд в шекспировской «Буре»: «Ад пуст, все дьяволы сюда слетелись!»

Не бегите! Идите шагом!

Я принес вам — как вы и просили — несколько фотографий. Их немного, потому что, разумеется, большая часть подобных документов не пережила войну. Но кое-то хранилось у членов моей семьи или у других людей.

Начну с самого старого моего фото, сделанного в Париже. Мне только-только исполнилось три года.

Я родился в Париже. Мои родители какое-то время жили там.

Не знаю, почему они выбрали Париж. Вероятно, ими двигали те же настроения, что и другими людьми, приезжавшими в то время во Францию. Я хочу сказать, что они приезжали не как сегодняшние иммигранты, враждебные местной культуре, а, напротив, потому что восхищались ее устройством, историей и нравственностью.

К моменту, когда я родился, они жили там уже несколько лет.

На этой фотографии, сделанной после
нашего возвращения в Краков в 1936 году,
можно увидеть моего отца, двух его братьев
и мою мать. Мне около трех лет.
Почему они уехали из Франции? Этот вопрос
вполне ожидаем. Думаю, их одолевали
материальные трудности и ностальгия

Здесь мне пять или шесть лет

Мои родители были не особенно религиозными людьми. Скорее даже совсем не религиозными.

Отец сменил несколько профессий. Долгое время он был коммивояжером и работал в звукозаписывающей компании, а точнее, в магазине звукозаписывающей компании His Master's Voice. Все знают логотип с собакой, слушающей проигрыватель. А название означает «Голос хозяина».

Уехав из Франции, мы вернулись в Польшу, в Краков. К этому времени относятся мои самые ранние детские воспоминания.

Мне было три с половиной года, может быть, четыре. Я очень хорошо помню нашу квартиру с балконом, выходившим на огромное пустое пространство — та часть Кракова была еще не полностью застроена. Зато прямо перед нашим домом находился рынок.

На другой стороне улицы — стройка напротив нашего дома. Сейчас эта часть города полностью урбанизирована, но тогда это был почти пригород. Так что я очень хорошо помню соседей и даже их имена — у них было двое сыновей. Они жили на том же этаже, что и мы. Я жил с родителями и сестрой. Дом был небольшой и пах новизной. Здание построили недавно.

На каждый этаж приходилось по две квартиры. Всего этажей в здании было четыре или пять. Мы жили на третьем. Фамилия наших соседей была Костшева, одного из мальчиков звали Титек — не знаю,

как это расшифровывается полностью. Жили мы спокойно.

У нас не было прислуги, но иногда приходила молодая горничная — во всяком случае, она работала у нас в течение какого-то периода, не все время, что мы жили там.

С социальной точки зрения мои родители относились к среднему классу.

Приехав в Польшу, я уже говорил по-польски. Это был мой родной язык наряду с французским. Я владел обоими, но грассировал «р» на французский манер, и это всех сместило. Довольно долго — наверное, до шести или семи лет — мне не удавалось выговорить «р» по-польски.

На идише родители в повседневной жизни не говорили вообще. Знали, но никогда им не пользовались. Только позже, когда я оказался в гетто, у меня появилось чуть больше возможностей слышать речь на идише. Потому что в Польше, разумеется, были самые разные типы евреев. В обычной жизни большинство евреев, с которыми мы встречались, были полностью интегрированы. Это были потомки различных волн иммиграции. Большинство жили там уже поколениями, от шести до восьми столетий.

У родителей были и нееврейские друзья. У меня тоже, тем более что мои приятели с этажа, например, евреями не были.

Некоторые религиозные праздники мы отмечали всей семьей — например, Седер Песах¹. И еще два-три, не больше. В целом это был просто повод собраться всей семьей за одним столом. В остальном родители в религиозных ритуалах не участвовали. Один из дядьев водил меня несколько раз в синагогу, чтобы я посмотрел, как все устроено, познакомился с некоторыми ритуалами. Но я был ребенком, и меня это, разумеется, совершенно не интересовало. Напротив, мне было скучно. Я не был верующим.

Впрочем, когда речь заходит о том, что произошло, ни к чему спрашивать, были ли жертвы верующими. Неважно, были ли они религиозными людьми или нет, — это не меняло совершенно ничего. Как не повлияло и на то, что с нами случилось.

Когда я был совсем маленьким, в Польше было мало поводов развлечься. Но один я не упускал никогда — праздник Вянки. Он до сих пор отмечается в Кракове. Это языческая традиция. Праздник проходит на Висле, польской реке, протекающей перед Вавелем, огромным королевским замком в Кракове. Этот своего рода фестиваль проходит каждое лето и длится целый вечер, не помню, в июле он или в августе². Кажется, это праздник в честь польской принцессы, которая

¹ Ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале праздника Песах (еврейской Пасхи). — *Прим. пер.*

² Насамом деле — первая суббота после 22 июня. — *Прим. пер.*

отказалась выходить замуж за немца и предпочла броситься в реку. По Висле плывут баржи, на воде разыгрываются театральные сцены, плывут венки из цветов в память или во славу этой принцессы.

Венок по-польски — «вянек», а во множественном числе — «вянки», вот почему этот вечер так называется. Вянки — венки из цветов, которые носили польские девушки. Праздник всегда заканчивался большим фейерверком, так что все жители Кракова собирались на холме и на стенах замка, чтобы полюбоваться этим зрелищем¹. Очень много людей приходило на него посмотреть. Для детей это был большой праздник, полный впечатлений. Мы с нетерпением ждали этого дня.

Угроза и война

Конечно, у меня сохранилось много воспоминаний, связанных с началом войны, и даже о том времени, когда она еще не разразилась, потому что в воздухе висело особое предвоенное настроение.

Мне было всего шесть лет, когда началась война. Повсюду поползли слухи. Люди начали бояться

¹ Краков был столицей Польши с 1038 по 1596 год, пока король Сигизмунд III Ваза не перенес королевскую резиденцию в Варшаву.

задолго до немецкого вторжения. Оно не стало неожиданностью: все чего-то ждали. Гитлер стоял на самой границе уже три года. Все видели, что происходит, как развивались события. Вначале его, возможно, не особо принимали всерьез, как сейчас не обращают внимания, например, на то, что происходит в Иране. Угрозы Гитлера тоже казались нелепыми, иногда он выглядел даже смешным, когда выступал перед толпами немцев, срываясь на крик, а они были словно под гипнозом.

А потом дела пошли все хуже и хуже. Все вокруг только об этом и говорили. Один момент я помню особенно четко: мы гуляли с отцом в Плантах — это парк в Кракове, разбитый на месте бывших укреплений и окружающий город. Там был какой-то человек за столиком, он продавал рисунки. Вокруг него толпились люди. Он без умолку говорил и всем показывал, что делает с рисунками. На них были изображены четыре руководителя Германии: Геринг, Геббельс, кажется, там был Гитлер и... наверное, Гиммлер. А если сложить бумагу определенным образом, то рисунок превращался в свинью. Отец объяснил мне, почему этот человек складывал из рисунка свинью и кто эти люди. Так я впервые узнал, что такое угроза.

Перед самой войной мы переехали. Мы поселились у моей бабушки, потому что всей семье хотелось быть вместе, и стали жить в большой бабушкиной квартире вместе с двумя моими дядями. Хотя они не все время были там. Не помню. Кажется, это

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru